

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Гаджиев Г. А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности): монография. М.: Норма: Инфра-М, 2013. — 320 с.

Начавшаяся в конце 80-х — первой половине 90-х гг. XX в. замена политико-правового и социально-экономического основания российского общества и государства сопровождалась и в значительной степени обеспечивалась соответствующими изменениями законодательства: сначала корректировками и дополнениями старого, а затем созданием нового. Вплоть до конца 1990-х гг. срочность запросов политической и социально-экономической практики требовала от юридической мысли сосредоточиться прежде всего в сфере законодательства. Ситуация изменилась лишь во второй половине нулевых годов, когда главными стали не вопросы создания принципиального нового законодательства, а вопросы его дальнейшего развития и совершенствования. Лишь тогда стало очевидным то, чего не замечали прежде: новая юридическая (и не только) жизнь на новом основании требует осмысления глубинных, философско-правовых основ построения нового российского общества и новой российской государственности для осуществления заявленного в Конституции РФ 1993 г.

Именно такие фундаментального характера проблемы права, проблемы бытия права (бытия не сугубо российского права, но права как такового, а значит, в том числе и российского) осмысливаются, формулируются и исследуются в уникальной в своем роде научной монографии Г. А. Гаджиева «Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности)», содержание которой определяется объявленным в ее первых строках: «Эта книга о реальности права и о правовой реальности» (с. 5; здесь и далее такая ссылка означает страницу рецензируемой книги). Ибо, как пишет автор, «юридическая мысль приводит к осознанию того, что вокруг нас в рамках объективно существующей реальной, овеществленной действительности существует особая реальность — правовая действительность» (с. 8), а «самое интересное — это обсуждение проблемы автономности права как реальности в реальности, одной из реальностей» (с. 208).

Автор монографии — Гадис Абдуллаевич Гаджиев, судья Конституционного Суда РФ (с 1991 г.), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, научный руководитель юридического факультета Национального исследовательского университета — Высшая школа экономики в Санкт-Петербурге, заведующий кафедрой гражданского права и процесса этого факультета, автор более двухсот работ по конституционному и гражданскому праву, теории и практике конституционного правосудия.

Эти факты биографии автора обеспечивают особый вес теоретической и практической значимости положений, содержащихся в начале введения книги: «Автор убежден, что философско-правовые знания являются действительным основанием юриспруденции, а все более или менее значимые шаги вперед в этой сфере являются результатом приложения философского знания к юридической действительности» (с. 6) и в ее последней главе: «Практическая значимость онтологии права состоит в том, что она представляет собой разновидность методологической науки, причем не всеобщей, а отраслевой, юридической» (с. 278).

Книга Г. А. Гаджиева интересна не только тем, что подобного монографического исследования онтологии права в России прежде не было, но и широтой и глубиной охваченной проблематики и основательностью ее анализа. Уже этим (не говоря о прочих достоинствах) книге обеспечена долгая жизнь в цитатах

и ссылок в будущих работах многих из числа пишущих по вопросам философии права, общей теории права, конституционного права. И не только их, ибо во введении книги автор пишет: «Меня же в большей степени интересует практическая онтология права, т. е. я пытаюсь придать онтологическому анализу права прагматический характер и для этого ориентируюсь на такие части правовой действительности, которые охватываются конституционным правом и гражданским правом» (с. 9).

Для читателей журнала «Финансы и бизнес» (данная рецензия написана с учетом научно-практической специфики журнала) книга ценна еще и тем, что ее автор, будучи крупным ученым, известным теоретиком права, вместе с тем уже более 20 лет работает судьей Конституционного Суда РФ, т. е. занимается решением самых важных и трудных вопросов российской правовой практики. Такое сочетание придает значение указателей будущего направления развития отечественного права ряду его утверждений. Например, такому: «Поскольку общественные отношения в реальной действительности находятся в постоянном развитии, юридические нормы постоянно устаревают. Объективно необходим такой юридический механизм, который позволил бы законодателю делегировать полномочия по обновлению закона от законодателя судам» (с. 20). Или: «Уяснение в прецедентной форме нормативного содержания... конституционных принципов, детерминирующих правовое регулирование экономических отношений на самом высоком уровне в условиях кризиса, должно осуществляться с помощью социальных ценностей, не встроенных в правовую систему. Такими “внешними” для права ценностями являются результаты экономического анализа, а также этические правила» (с. 313).

Книга состоит из введения и четырех больших глав. В двух первых главах («Философские основания практической онтологии права» и «Реальность права и правовая реальность») рассматривается онтологическая проблематика в ее развитии (условные периоды: классическая метафизика, феноменологическо-экзистенциальная философия, современная онтология) в свете ее влияния на философско-правовые представления о правовой реальности. Естественно, акцент в первой главе делается на философско-правовых воззрениях Канта (с. 55: «Он оказался самым влиятельным для юриспруденции, и не только немецкой, философом») и Гегеля (с. 66—67: «...В “праве” Гегель видит прежде всего известную утверждаемую “ценность” или, если угодно, некое *объективно значащее достоинство*. Но эту ценность он берет не в аспекте долженствования, а в аспекте бытия, и притом именно как *живое творческое начало*» (курсив источника)). Здесь, в частности, автор обращает «внимание на то, что не привлекло внимание исследователей гегелевской философии права и осталось, к сожалению, в тени: это имеющая важное онтологическое значение мысль о реальности неправа наряду с пространством права» (с. 68) — актуальная тема в нашей действительности.

Также во введении и первой главе начинается, а во второй главе составляет ее основное содержание сравнительный анализ — все в контексте развития онтологической проблематики права — воззрений многочисленного ряда философов, социологов и правоведов: Аристотеля, Н. Н. Алексеева, П. Бергера, В. В. Библихина, Ж. Бодрийяра, П. Бурдьё, Э. Гуссерля, И. А. Ильина, А. Кауфмана, Г. Кельзена, Б. А. Кистяковского, Дж. Локка, Г. Лукмана, С. И. Максимова, М. К. Мамардашвили, К. Маркса, П. И. Новгородцева, Л. И. Петражицкого, Г. Радбруха, Э. Ю. Соловьёва, Е. В. Спекторского, А. В. Стовбы, Э. Фехнера, С. Л. Франка, М. Хайдеггера, П. Шлага, О. Эрлиха и др.

Книга написана замечательным языком и постоянно, но вместе с тем тактично и ненавязчиво (именно так!) наводит читателя на мысли о насущных пробле-

мах нашей правовой реальности. Вот, например, как Г. А. Гаджиев, анализируя работу украинского философа права С. И. Максимова о правовой реальности, пишет об одной из главных проблем на стыке правотворчества и правоприменения: «Законодатель принимает закон на основе ценностного решения, в котором переплетаются требования справедливости и целесообразности. Другим требованием при создании закона является историчность, т. е. необходимость учета социальных интересов. Требование учета реальных жизненных условий указывает на тесную связь права с жизнью. Такое сочетание справедливости и целесообразности является весьма сложным как в чисто техническом плане (ибо нелегко соединить и завет, и запрет), так и в плане влияния наличных социальных условий. Поэтому всегда возникает проблема связи естественного и позитивного права как проблема несовпадения сущности и существования права.

Отдавая должное автору, я не могу не обратить внимания на то, что между первым и вторым уровнями правовой реальности возникает одно, для практической юриспруденции, возможно, самое важное противоречие. Это несоответствие между духом закона и его буквой, расхождение в интерпретации юридической символики (в виде особых юридических понятий, фикций, презумпций) различными правоприменителями. Эта проблема возникает в силу того, что творец закона единичен, а вот правоприменителей множество. Поэтому в правовой реальности, в отношениях между ее первым и вторым уровнями, проявляется универсальная истина великого поэта: «Мысль изреченная есть ложь» (с. 130—131).

Третья глава книги называется «Онтология конституционного права (критика интерпретационных теорий в праве)», и здесь «речь идет не о конституционном праве отдельной страны, а о конституционном праве как части культуры человечества» (с. 188).

Согласно Г. А. Гаджиеву, «основные категории онтологии конституционного права — это конституционно-правовой спор, согласие (компромисс), баланс частных и публичных интересов и конституционно-правовое концептуальное пространство. Последняя категория является составной частью правовой реальности и основой для формирования доктрины конституционно-правового концепта действительности» (с. 277). Он пишет: «Спор и согласие являются средствами обнаружения права. Право выявляется, становится определенным, фиксированным прежде всего в результате рассмотрения юридического спора с помощью специальных юрисдикционных механизмов, универсальных для всего человечества. Вопреки устоявшемуся мнению центром правовой реальности являются не юридическая норма и не право, а коллизия, спор и его результат — согласие, компромисс. При этом право, возникающее в результате спора, первично по отношению к закону. Поэтому в качестве первичного онтологического слоя в онтологической картине правовой реальности рассматривается конфликтная бытийная сторона жизни. Именно конфликты приводят, причем объективно, к появлению определенных правовых закономерностей, из которых по мере развития юридической техники появляются своеобразные юридические универсалии — юридические конструкции (понятия, принципы, презумпции, фикции и т. д.)» (с. 189).

Отмечая как «чрезвычайно важную онтологическую характеристику конституционного права» «нейтральность конституционных норм» (с. 242) и одновременно замечая, что «конституционные нормы нейтральны, многозначны, но, с моей точки зрения, их нельзя считать неопределенными» (с. 243), Г. А. Гаджиев высказывает весьма интересное мнение: «Принцип правовой определенности как сумма требований, предъявляемых как к закону, так и к судебной практи-

ке, на мой взгляд, неприменим к конституционному тексту. В целях обеспечения неизменности и стабильности конституций их нормы часто становятся амбивалентными, что позволяет, не меняя конституцию, относительно свободно действовать в политической сфере. Тем самым конституция в неявном виде содер­жит полномочия, передаваемые конституционным законодателем суду — полномочие осуществлять выбор одного из возможных вариантов нормы, изначально содержащегося в конституционном тексте. При этом, и это тоже специфика конституционного права, суду предоставляется выбор исходя из сложившейся обстановки. В конституциях практически нет правил, детально определяющих, как надо осуществлять этот выбор, какими критериями необходимо руководствоваться. Конституция останавливается на том, что предписывает суду обязанность сделать вывод и доказать его рациональность. Вопрос, чем должен руководствоваться суд в своем выборе, скорее всего, не является предметом конституционного права. Возможно, этим должно заниматься не конституционное право, а иные отрасли науки (экономический анализ права, конституционная экономия, теория рационального выбора и т. д.)» (с. 242).

Четвертая глава книги целиком посвящена онтологическим основам юридического концепта действительности (ЮКД), но сама тема ЮКД в разных ее аспектах исследуется на протяжении всей книги (об этом заявлено уже в подзаголовке книги). Автор исходит из идеи, что «сам по себе» ЮКД «сложился объективно» (с. 23), являясь «частью правовой реальности» (с. 282) и вместе с тем «своего рода естественной закономерностью» (с. 23), и поэтому рассматривает его «не только как продукт развивающегося юридического разума, но и как естественно-правовую интуицию человечества» (с. 23), а с точки зрения онтологии права — в двух ипостасях: как одну из важных методологических категорий и как онтологическую структуру (с. 27), в рамках которых «происходит спецификация, юридизация понятий, появившихся раньше как философские, экономические и т. д.» (с. 36); «ЮКД — это система теоретических юридических воззрений, формально-абстрактное отображение правовой действительности. Как сумма теоретических идей ЮКД реально существует, но это особая реальность не существующих реально объектов» (с. 286).

О недостатках книги: разумеется, в первом в России большом монографическом исследовании по проблематике онтологии права не может не быть упущений и огрехов. Их можно указать. Например, в книге отмечается, что «Радбрух писал о том, что культура по определению историков не является абсолютной, совершенной ценностью» (с. 73), но в книге «Философия права» (М., 2004), на которую дана ссылка, Густав Радбрух на с. 13 пишет, хотя и похоже, но все же несколько в ином смысле: «...Культура по определению историков не является “ценностью” в чистом виде (в прямом смысле этого слова)». Но для монографии такого рода указывать в краткой рецензии отдельные и к тому же мелкие недостатки на фоне многочисленных и больших достоинств замечательно написанной и увлекательной (при такой-то теме!) книги было бы попросту нелепо. У книги только один серьезный недостаток — небольшой тираж: 600 экземпляров для России явно мало.

Е. Ф. Мосин,

канд. техн. наук,

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Хюльсманн Й. Г. **Последний рыцарь либерализма: жизнь и идеи Людвиг фон Мизеса**. М.; Челябинск: Социум, 2013. — 879 с.

В 1940 г. Л. фон Мизес (1881—1973) вместе со своей женой Маргит покидал Европу, над которой уже ступили тучи; будущее не предвещало ничего хорошего для человека, который посвятил всю свою жизнь борьбе с социализмом и национал-социализмом. Друзья и ученики называли его последним рыцарем либерализма, так как в Европе того времени уже не осталось сторонников индивидуализма, свободного рынка и либерализма. Повсеместно интеллектуалы переходили на сторону социализма или интервенционизма. Если слева в политическом спектре находились все интеллектуалы, то правее Л. фон Мизеса была стена. Он был последним, кто готов был отстаивать в 1940 г. политику *laissez faire*.

Автобус, в котором ехал Л. фон Мизес, петлял по проселочной дороге, пытаюсь не натолкнуться на нацистов, пассажиры были крайне напряжены, так как случайная ошибка могла стоить жизни им всем.

В 1940 г. казалось, что век либерализма канул в Лету и только утописты могут писать о капитализме что-то одобрительное. Мир 1940 г. — это мир Гитлера, Сталина, Рузвельта и Муссолини. Это мир социализма, фашизма, корпоративизма, Нового курса. Казалось, век либерализма закончился, спор шел лишь о формах социализма.

Если бы в 1940 г. Л. фон Мизес погиб, труд всей его жизни — «Человеческая деятельность» — не был бы издан в США в 1949 г., он бы не взрастил плеяду талантливых учеников, которые возродили движение за свободный рынок в США и Европе.

Если бы водитель автобуса совершил ошибку и повернул бы к нацистам, то место Л. фон Мизеса и его книг было бы в сносках специальных монографий, посвященных истории экономической мысли межвоенной Германии, его имя было бы известно только очень узким специалистам.

Л. фон Мизес покидал родину, оставляя работу, дом, имущество нацистам¹. Он взял с собой трактат по экономической теории *Nationalökonomie* (1939), который в дальнейшем был переработан в «Человеческую деятельность» (1949).

Не следует забывать, что эта эпоха была также эпохой упадка экономической теории, последние великие трактаты по экономической теории были написаны еще до Первой мировой², сам жанр последовательного и логичного трактата был заменен на статьи и монографии, наука теряла способность дать целостную и непротиворечивую картину мира. Господствовала идея «ящика с инструментами»³, когда задача экономической теории — не дать целостную картину, а предложить новые инструменты анализа.

Особую роль в возрождении идей классического либерализма и австрийской экономической школы предстояло сыграть Л. фон Мизесу. Именно он, начиная жизнь заново в Нью-Йорке, собрал вокруг себя талантливых молодых экономистов, таких как М. Ротбард, И. Кирцнер, Г. Сеннехольц. Именно они сыграли ключевую роль в создании либертарианского движения в Америке. М. Ротбард в 1963 г. выпустил трактат «Человек. Экономика. Государство»⁴, от которого

¹ Архив Мизеса вначале попал к нацистам, а потом оказался в руках Красной армии. Архив Мизеса был обнаружен в Москве в 1990-х гг.

² Последними были трактаты Ф. Тауссинга (1911), Ф. Уикстида (1910) и Ф. Феттера (1910). См.: Salerno J. The Place of Mises's Human Action in the Development of Modern Economic Thought // Quarterly Journal of Austrian Economics 2. 1999. N 1. P. 35—65 (<http://mises.org/journals/qjae/pdf/qjae213.pdf>).

³ Так определяли экономическую теорию Дж. Роббинсон и Дж. М. Кейнс.

⁴ Rothbard M. Man, Economy, and State. Mises Institute, 2009.

можно отсчитывать возрождение австрийской экономической школы; если в 1950-е гг. сторонников Л. фон Мизеса можно было собрать в одной небольшой комнате, то сегодня они существуют по всему миру и их количество выросло экспоненциально. Рост этот продолжается. В том числе и в России.

В 1974 г. была присуждена Нобелевская премия по экономике ученику Л. фон Мизеса — Ф. фон Хайеку, что, несомненно, подогрело интерес к австрийской экономической школе.

Тогда же началось движение к свободному рынку — в Великобритании, США, Чили, Китае, Польше, России. Мир изменился радикально, страны возвращались на путь свободного рынка и либерализма.

Все эти события были бы невозможны, если бы не способность «последнего рыцаря либерализма» пронести знамя свободы через все испытания, которые ему послала жизнь. Его девизом были слова Вергилия:

Tu ne cede malis sed contra audentior ito
(Ты же, беде вопреки, шествуй смелее).

Йорг Гвидо Хюльсманн — профессор университета Анжер (Франция), а также научный сотрудник Института Мизеса (США) писал книгу о Л. фон Мизесе 10 лет, для этого он работал в архивах Вены, Нью-Йорка и Москвы, изучил все, что было написано Л. фон Мизесом, а библиография работ, включенная в книгу, занимает более 40 страниц.

Результатом явился фундаментальный труд, включающий 750 страниц, более 500 персоналий и 1000 источников, более 100 уникальных фотографий из архива Л. фон Мизеса.

В данной рецензии мы бы не хотели, пересказывая содержание книги, лишать читателей удовольствия самостоятельного освоения книги. Тем не менее следует выделить наиболее важные моменты.

Книга состоит из шести частей.

В первой части описываются юные годы Л. фон Мизеса: мы узнаем о его родителях; о том, что его дед за несколько месяцев до рождения Людвига получил дворянский титул, тем самым Людвиг стал первым в роду, кто по рождению был аристократом. Описывается история Вены, своеобразие академической гимназии, в которой учился Л. фон Мизес, а также его годы учебы в Венском университете и участие в семинарах Грюнберга и Филипповича. В этой части мы узнаем о той интеллектуальной атмосфере в Австро-Венгрии, которая породила австрийскую экономическую школу.

Во второй части излагается история первого и второго поколения австрийской школы. Описаны отличительные черты традиции Менгера—Бём-Баверка—Мизеса и традиции Визера—Шумпетера—Майера. В эти годы Л. фон Мизес пишет свой фундаментальный трактат о деньгах «Теория денег и фидуциарных средств обращения» (1912), где впервые излагает теорию экономического цикла австрийской школы. Завершить теорию цикла Л. фон Мизес смог в 1949 г. в трактате «Человеческая деятельность».

Третья часть содержит описание периода Первой мировой войны, когда Л. фон Мизес был офицером на Восточном фронте, там же он получил серьезное ранение. Описывается история того, как коллеги Л. фон Мизеса из Венского университета отсиживались в столице, а на фронт посылали тех, кто был неудобен элитам. После войны Л. фон Мизес пишет работу «Нация, государство и экономика», где излагает причины войны и проблемы национализма. В послевоенный период наиболее важное событие в биографии Л. фон Мизеса — опубликование трактата «Социализм» (1922), в нем он изложил знаменитую теорему о невозможности экономического расчета при социализме.

Л. фон Мизес был первым, кто сформулировал еще в статье 1920 г. проблему экономического расчета в экономике, где нет цен на факторы производства и нет рынка капитала.

В четвертой части описывается история «ревущих двадцатых», в этот период Л. фон Мизес активно влияет на экономическую политику правительства, участвует в дебатах, формирует круг последователей. В эти годы происходит его знакомство с лучшим его последователем Ф. фон Хайеком. Именно Хайек смог предсказать наступление событий 1929 г. в исследованиях Австрийского центра изучения экономического цикла. В это же время Л. фон Мизес пишет «Либерализм» (1927) — наиболее полное изложение принципов классического либерализма.

В пятой части автор рассказывает нам об эмиграции Л. фон Мизеса в Женеву после прихода к власти нацистов. В Женеве, в Институте высших международных исследований, у Л. фон Мизеса впервые появляется возможность написать трактат по экономической теории, так как до этого академическая работа была ограничена административной. Именно здесь Л. фон Мизес пишет первоначальную версию трактата «Человеческая деятельность». В Женеве Л. фон Мизес активно общается с Л. Роббинсом, П. Манту и многими другими талантливыми экономистами. Отсюда его идеи распространялись по всему миру.

Наконец, последняя часть книги посвящена жизни Л. фон Мизеса в Америке, где он формирует круг своих последователей на семинаре в Нью-Йорке, пишет множество книг и статей: «Теория и история», «Всемогущее правительство», «Эпистемологические основы экономической науки», здесь формируется кружок Мизеса, здесь создается либертарианское движение, здесь выходит в свет его *opus magnum* «Человеческая деятельность», трактат по экономической теории, не утративший своей актуальности и по сей день.

По существу, эта книга содержит в себе целых три книги:

- 1) биография Л. фон Мизеса;
- 2) все отрецензированные работы Л. фон Мизеса: от ранних работ в традиции исторической школы, до последних работ, посвященных эпистемологии;
- 3) история XX века: основные события, которые затронули жизнь Л. фон Мизеса и определили облик мира.

Автор ставит вопросы о причинах популярности идей Л. фон Мизеса:

- что это за идеи, обладающие такой магнетической силой;
- что он был за человек;
- какие цели преследовал;
- за что боролся;
- где добился триумфа, а где потерпел поражение;
- как его идеи возникли в обстановке того времени и вопреки всем обстоятельствам.

Те, кто интересуется вышеназванными проблемами, получают огромное интеллектуальное удовольствие и узнают много нового о Л. фон Мизесе.

В книге отражена история рождения и развития австрийской экономической школы от К. Менгера до текущего момента. Автор мастерски рисует портреты К. Менгера, О. фон Бем-Баверка, Ф. фон Визера, Й. Шумпетера, Дж. М. Кейнса, Л. Роббинса и многих других.

Из книги можно узнать о службе Л. фон Мизеса на фронтах Первой мировой войны, о том, какую роль он играл в экономической политике Австрии после войны, а также о том, какую роль сыграл в создании либертарианского движения 1950—1960 гг. Все это позволит российскому читателю составить объективную картину роли и личности Л. фон Мизеса.

Главная же заслуга Л. фон Мизеса состоит в том, что он разработал универсальную социальную теорию, которая может быть применена в любом месте

и в любое время. Главные достижения Л. фон Мизеса — его книги «Теория денег и фидуциарных средств обращения», «Социализм», «Либерализм», «Человеческая деятельность», «Всемогущее правительство», «Теория и история». У российского читателя теперь есть возможность познакомиться со всеми работами Л. фон Мизеса.

И. Г. Хюльсманн заканчивает свой «Трактат о Мизесе» следующими словами: «На сегодняшний день теория Мизеса является лучшей отправной точкой для того, чтобы пуститься в то великое, связывающее разные поколения предприятие, которое мы называем общественными науками. Кроме того, теория Мизеса подарила нам крайне плодотворный теоретический инструмент для понимания работы общества в любое время и в любом месте» (с. 749).

Несомненно, это относится и к исследованиям социальных и экономических проблем современной России, которые могут быть плодотворно исследованы с помощью теории Л. фон Мизеса.

П. В. Усанов
канд. экон. наук,
Национальный исследовательский университет —
Высшая школа экономики;
Институт фон Хайека

Acemoglu D., Robinson J. A. Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity and Poverty. New York: Crown Business, 2012. — 529 p.

Экономистов все больше и больше тянет на историю. Причем речь идет не только о частных эпизодах в истории человечества, а обо всей исторической картине человеческой цивилизации во всем ее многообразии. В 1998 г. выходит книга известного индийского экономиста Дипака Лала «Непреднамеренные последствия» (*Lal D. Unintended Consequences. The Impact of Factor Endowments, Culture, and Politics on Long-Run Economic Performance. Cambridge, (Mass.), 1998*). Ее русское издание состоялось лишь почти 10 лет спустя: в 2007 г. (*Лал Д. Непреднамеренные последствия. Влияние обеспеченности факторами производства, культуры и политики на долгосрочные экономические результаты. М., 2007*). Книга ставит те же вопросы, что и рецензируемая работа: почему человечество развивается крайне неравномерно, почему одни страны вырываются вперед, а другие не способны побороть отсталость? Однако нельзя сказать, что творчество Лала привлекло большое внимание российских исследователей.

Несомненно, что к той же категории книг можно причислить фундаментальный труд Егора Гайдара «Долгое время» (*Гайдар Е. Т. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М., 2005*). О нем в свое время было много сказано, но нельзя не признать, что популярность работы была во многом связана с известностью ее автора как политика. Это не говорит о ее качестве; просто надо иметь в виду, что громкое имя имеет значение и в науке.

Настоящий взрыв интереса в академической среде связан с выходом работы трех авторов: нобелевского лауреата по экономике 1993 г. Дугласа Норта и его двух соавторов: Джона Уоллиса и Барри Вайнгаста (*North D. C., Wallis J. J., Weingast B. R. Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History. Cambridge, 2009*). Книга довольно оперативно была переведена в России (*Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки: Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М., 2011*), и на ее базе развернулась целая программа научных исследований. Причем как за рубежом (*In the Shadow of Violence: Politics, Economics, and the Problems of Development. Cambridge, U.K., 2013*), так и в России, где Высшая школа экономика реализовала специальную исследовательскую программу (Исследовательский проект «Институты, развитие и группы интересов: применение подхода порядков ограниченного/открытого доступа к анализу истории России». 2012—2013 // <http://www.hse.ru/institutions/about>). Базовую концепцию Норта, Уоллиса и Вайнгаста о социальных порядках ограниченного и открытого доступа стремятся применить и к прошлому России, и к ее современности. Перечисление всех статей российских авторов на эту тему заняло бы очень много места; такая попытка предпринята в одной из статей (*Заостровцев А. П. Дуглас Норт: бегство от неоклассического мейнстрима // Общественные науки и современность. 2013. № 4. С. 140—150*), но с тех пор продолжают появляться все новые работы.

Книгу Дарона Асемоглу и Джеймса Робинсона «Почему страны терпят неудачу?» можно смело поставить в один ряд с работой Норта, Уоллиса и Вайнгаста. Более того, есть основание предположить, что эти два выдающихся автора множества статей в области экономики развития не просто решили свести вместе все свои предыдущие разработки и идеи, но одновременно пытались завоевать не меньшее внимание широкой общественности, чем вышеупомянутые три автора. В пользу этого говорит тот факт, что традиционная для их публикаций насыщенность математическим аппаратом полностью отсутствует в рецензируемой книге, которая в результате может быть прочитана и понята и не получив-

шими высшего математического образования исследователями в области социальных наук.

У Асемоглу и Робинсона (далее — АиР) поражает прежде всего масштаб охвата событий во времени и пространстве. Читатель постоянно перемещается из одной исторической эпохи в другую, с одного континента на другой. Пожалуй, нет такого региона мира, о котором не написали бы авторы. С еще большим разнообразием приходится сталкиваться, когда речь заходит об отдельных странах. Попадая на Африканский континент, узнаешь их точку зрения на то, почему Ботсвана является страной с институтами практически европейского качества, а Сьерра-Леоне или, например, Зимбабве страшно далеки от них. В ходе чтения книги получаешь ответ на вопрос, почему Англия породила промышленную революцию и почему СССР не смог долго поддерживать высокие темпы экономического роста. Видишь связь институтов древних империй и испанских колоний с современным положением дел в Латинской Америке, ее отставанием от северной части Американского континента в лице США и Канады. Находишь объяснения прорывов всем известных своими успехами стран ЮВА наряду с не очень оптимистической оценкой будущего Китая. Колониальное и даже доколониальное прошлое многих стран тесно переплетается с днем сегодняшним, а корни экономических успехов стран — лидеров нашего мира уходят в глубину веков.

Такой грандиозный размах понадобился авторам для поиска исторических иллюстраций и подтверждений их теоретической конструкции. В чем же ее суть?

Сразу заметим, что наблюдается удивительное сходство теоретических построений АиР с концепцией Норта и его соавторов. Вместо порядка ограниченного доступа используется понятие «экстрактные институты», а вместо порядка открытого доступа — «инклюзивные институты». Что это такое?

В случае экстрактивных экономических институтов речь идет о «созданных для извлечения ресурсов у многих немногими и неспособных защищать права собственности или создавать стимулы для экономической деятельности» (р. 430). Когда же речь заходит об инклюзивных экономических институтах, то таковые «должны гарантировать безопасность частной собственности, непредвзятую систему права и предоставление общественных услуг». В результате они «создают ровное игровое поле, где люди могут обмениваться и заключать контракты; они также должны разрешать вход новых бизнесов и позволять людям выбирать их карьеры» (р. 74—75).

Этим двум типам экономических институтов должны отвечать и соответствующие им политические институты. Разделяя последние также на экстрактивные и инклюзивные, авторы пишут: «Мы рассматриваем политические институты, которые достаточно централизованы и плюралистичны как инклюзивные политические институты. Если любое из этих условий отсутствует, то мы относим такие институты к экстрактивным политическим институтам» (р. 81). Это определение требует разъяснений. Согласно АиР, политические институты плюралистичны, если власть не сосредоточивается в одних руках. Например, в демократиях — это разделение властей, федерализм, многопартийность. Однако политические институты могут быть плюралистичны и в случае противостояния внутри одной страны разных антагонистических группировок, иногда доходящего до распада прежде единого государства. Поэтому вторым требованием к инклюзивности политических институтов является «достаточная централизация».

Здесь сразу стоит оговориться, что вряд ли было оправданно загонять под общую крышу «плюралистических институтов» и политическую организацию развитых демократий, и борьбу враждующих кланов в так называемых провалившихся государствах типа Сомали или Центральной Африканской Республики.

В них имеет место противоборство разных авторитарных режимов (нередко вооруженное), и говорить о нем как о «плюралистическом» политическом институте вряд ли стоит. Традиционно этот термин подразумевает происходящую в конституционном поле конкуренцию различных групп интересов (партий) за представительство в органах государственной власти. В противном случае и борьбу потомков Чингисхана за власть в Золотой Орде можно рассматривать как плюралистический политический институт.

Инклюзивные экономические институты находят поддержку в инклюзивных политических институтах, и наоборот. То же самое справедливо и для экстрактивных институтов. В связи с этим автоматически возникает вопрос: а как быть с так называемым рыночным авторитаризмом, когда институты рынка сосуществуют с далекими от демократии политическими институтами? Для авторов в ответе на этот вопрос заключается принципиально важный для утверждения их концепции момент.

Начнем с их видения устойчивости обществ с экстрактивными институтами. Она обусловлена так называемым порочным кругом: экстрактивные экономические институты обогащают немногих за счет многих, и эти немногие выделяют часть своих огромных богатств на поддержание экстрактивных политических институтов, которые, в свою очередь, создают условия для консервации соответствующих экономических институтов. Например, экономические привилегии, за счет которых накапливается богатство правителей, подкрепляются монополией на политическую власть, препятствующей доступу «чужаков» к наиболее ценным экономическим ресурсам.

Порочный круг соединяется с «железным законом олигархии» (термин немецкого социолога Роберта Михельса, заимствованный АиР). Закон этот заключается в воспроизводстве эксклюзивных институтов при смене правящей элиты, в том числе и происходящей революционным путем. Авторы иллюстрируют его на примере Эфиопии после свержения режима короля Хайле Селассие восставшими военными (1975). Режим диктатора Менгисту Хайле Мариама, шедшего к власти под ультракоммунистическими лозунгами всеобщего равенства, в итоге воссоздал неравенство господствующей клики и масс в еще худшей форме. И, кроме того, оказался куда более репрессивным.

Российский читатель может найти не одно подтверждение справедливости этого закона применительно к собственной стране. Иосиф Сталин возродил империю, репрессивная мощь и военная сила которой и не снились российским императорам. В поздний же период правления он почти буквально копировал даже некоторые не столь существенные, но довольно бросающиеся в глаза атрибуты старой империи (воинские звания, униформы, наименования госучреждений, школьное образование по образцу дореволюционных гимназий с отдельным обучением, контролируемое деспотическим государством православие и т. д.). Власть в современной России после социально-экономических изменений 1990-х гг., в процессе которых были заложены основы рыночных отношений и конституционного политического порядка, вернулась к авторитарной модели правления, при этом ограниченное допущение рынка в сочетании с господством государственных монополий напоминает НЭП или меркантилизм Франции эпохи Жана-Батиста Кольбера.

Вот мы и дошли до рыночного авторитаризма. И тут АиР видят, по сути, два противоположных пути. Первый ведет к социальным катаклизмам вплоть до превращения в провалившееся государство. И это не случайно. В обществе, где господствуют инклюзивные институты, победитель, как в известной песне ансамбля АВВА, «получает всё». Отсюда очень сильные стимулы к захвату власти, которая и наделяет «этим всем». Проблема преемственности власти крайне обо-

страна. К примеру, Китай, нередко выдаваемый за образец в плане упорядоченной организации передачи авторитарной власти, в 2012 г. столкнулся с покушением на власть со стороны лидера «второго поколения красных принцев» Бо Силая.

Как же происходит отход от экстрактивных институтов в пользу инклюзивных? АиР большое внимание уделяют истории Англии, которая, по всей вероятности, представляется им в качестве образца постепенного утверждения инклюзивности. Здесь вступает в дело противоположность «порочного круга» — так называемый круг добродетели. Один случайно возникший инклюзивный институт цепляется за другой, столь же случайно возникший, и постепенно образуется цепочка инклюзивных институтов, взаимно укрепляющих друг друга. Это не значит, что процесс движения по направлению к инклюзивным институтам необратим. АиР приводят ряд исторических примеров обратимости. Среди них выделим раздел «Почему Венеция стала музеем?» (р. 152—156).

Для продвижения вперед важно то, что авторами названо критическими моментами (*critical junctures*) и ответными институциональными сдвигами. При этом одни и те же критические моменты могут порождать противоположные институциональные сдвиги. Эпидемия чумы в XIV в. привела к ликвидации остатков крепостничества в Англии и, напротив, усилению его в Восточной Европе. Вызов, брошенный европейцами Китаю и Японии в XIX в., тоже вызвал разнонаправленные движения в этих странах. В Японии он породил революцию Мэйдзи, в Китае способствовал сохранению императорского режима с последующим его крахом в XX в. и длительной гражданской войной. В результате становление рыночных институтов в Китае началось с более чем столетним отставанием от Японии.

В 70-е гг. прошлого века экономические институты в Южной Корее стали в значительной степени инклюзивными. Это снижало силу рациональных мотивов к сохранению экстрактивных политических институтов. По мнению АиР, «экономическая элита мало что получила бы в случае своего собственного или военного доминирования в политике» (р. 93). Также меньшему ее страху перед политическим плюрализмом и демократией способствовало сравнительное равенство доходов. Кроме того, имело значение влияние США и угроза со стороны Северной Кореи. Все это говорило о том, что не удастся долго сопротивляться бросившему вызов военной диктатуре демократическому движению. Переход к демократии, как полагают АиР, стал тем условием, которое не позволило выдохнуться экономическому росту (в отличие, например, от СССР).

В чем проблема с экстрактивными политическими институтами? АиР вспоминают шумпетерианскую теорию «созидательного разрушения». Политические институты этого типа оказываются тормозом на его пути. Властная элита противодействует многим инновациям, если они угрожают опасными для нее социальными изменениями. Приводится и близкий нам пример: в России в эпоху Николая I сознательно тормозилось развитие фабричного капитализма из-за страха концентрации масс лиц наемного труда в городах. С этим связывались возможности социальных потрясений. Кроме того, не строились связывающие Россию с Европой железные дороги в силу опасения «импорта революций» в результате резко возрастающей мобильности населения. К этому можно добавить, что в современную эпоху противодействие созидательному разрушению со стороны авторитарных государств проявляется в первую очередь в стремлении ограничить свободный поток информации через Интернет. Вряд ли страны, стоящие на его пути, смогут стать глобальными лидерами в области новых технологий.

Основополагающая идея АиР предельно ясна: устойчивое развитие и экономический рост невозможны без свободы, включая свободу политическую. В свя-

зи с этим они скептически оценивают перспективы Китая. Рост при экстрактивных политических институтах возможен, но он носит временный характер. Российский читатель мог бы вспомнить здесь стихотворение Владимира Высоцкого про конькобежца-неудачника, который «на десять тысяч рванул как на пятьсот». В итоге, как мы знаем, «спекся».

Надо сказать, что в этом вопросе АиР, как и Норт с соавторами, демонстрируют солидарную точку зрения. Экономическое лидерство в современном мире не может иметь место в странах с доминированием экстрактивных политических институтов (порядков ограниченного доступа). Однако переходы от экстрактивных институтов к инклюзивным — это большая проблема. Удаются они редко. Но это не значит, что они невозможны в принципе. Описанию этих переходов посвящены многие страницы книги, и особенно глава «Ломающая матрицу» (*Breaking the mold*).

АиР большое место отводят роли всеобщего избирательного права как важнейшего условия «инклюзивности». Включенность масс в политический процесс, их давление на элиты рассматривается ими исключительно как двигатель прогрессивных изменений еще со времен работы об экономическом происхождении диктатуры и демократии <...>. В то же время здесь наблюдается расхождение между ними и Нортом с соавторами: АиР, с одной стороны, и Норт с соавторами — с другой, явно расходятся. Последние прямо заявляют об этом, отводя решающую роль в переходных процессах внутриэлитным противоречиям и перераспределению прав внутри элиты <...>.

С нашей точки зрения, культ масс и всеобщего избирательного права, характерный для АиР, не позволяет им видеть многие порожденные им преграды на пути экономического развития. В экономической и политологической литературе не раз подчеркивалась негативная роль неограниченной демократии для многих развитых стран. Выражается она, как известно, в неподъемных социальных обязательствах, которые приняли и продолжают принимать на себя эти страны (например, реформа медицинского страхования в США, иронически названная ее противниками *obamacare*). Для многих же стран с неустойчивыми инклюзивными экономическими институтами голоса избирателей нередко приводили к власти политиков, которые своими популистскими действиями сводили инклюзивность экономических институтов на нет (наиболее яркий пример Венесуэла при президентах Хуго Чавесе и Николасе Мадуро).

Книга АиР написана в полемическом ключе. Она отвергает теорию модернизации, географический детерминизм, решающую роль культуры и то, что авторы именуют «гипотезой незнания». Теория модернизации видится им примитивной в силу рассуждений о корреляции между экономическими успехами и политической модернизацией. Опыт Китая показывает, что неизвестные ранее истории темпы экономического роста не привели страну к демократии. Кроме того, теория модернизации отбрасывает возможности обратимого развития (движения вспять). С чем, конечно, не согласны АиР.

В вопросах географического детерминизма они полемизируют с известным экономистом Джеффри Саксом. Для АиР, в отличие от Сакса, не принципиально, где расположена страна. Все дело — в институтах. По АиР, институты решают не просто многое. Они решают всё! На этом же основании отвергается и роль культуры. Главный аргумент здесь — это разделенные страны: Северная и Южная Корея, материковый Китай и Тайвань, ГДР и ФРГ. Что изменилось в их культурах, что привело к столь существенным расхождениям в благосостоянии и институтах? АиР полагают, что на данный вопрос у сторонников культурного детерминизма нет ответа.

По всей видимости, культура все-таки имеет значение. АиР ни разу не дают определения ни культуры, ни институтов. Видимо, полагают все это само собой

разумеющимся. На самом деле это далеко не так. Культуру часто трудно отделить от институтов, особенно институтов неформальных. Другое дело, что одной культуры недостаточно для объяснений расхождений в траектории развития стран и народов. Важное место принадлежит внешним шокам. У самих АиР они присутствуют под именем «критические моменты». Если бы Корейский полуостров повернулся на 180 градусов и южная его часть оказалась бы в 50-е гг. прошлого века граничащей с СССР, то сегодня мавзолеи были бы в Сеуле, а предприятия «Самсунг» — в Пхеньяне. Силовой импорт институтов играет большую роль. Если обратиться к Восточной Европе, то без него расположенные в ней страны в большинстве своем вряд ли бы стали строить социализм после Второй мировой войны. Однако если культура противостоит этим «навязанным» институтам, то они мгновенно отбрасываются, как только исчезает силовое давление. В иных случаях они закрепляются и после исчезновения принуждения извне.

А вот критика «гипотезы незнания» выглядит более чем убедительно. Эта гипотеза исходит из идеализации роли правительств, для ее сторонников они — «благородные деспоты», озабоченные благополучием своих граждан. Однако им в достижении этой высокой цели мешает незнание того, «как надо». Вот придет знающий консультант из МВФ и Всемирного банка, просветит, и тогда все пойдет хорошо. Правители применяют полученные знания на благо жителей своих стран.

АиР убедительно показывают, что проблема не незнание, а реальные интересы правящих элит многих стран третьего мира, для которых «хорошая экономика» означает «плохую политику». Если они попытаются внедрять правила, обеспечивающие справедливую конкуренцию и устранение входных барьеров, то могут оказаться политическими лузерами, так как пойдут против корыстных интересов тех, на ком держится их власть. Пример президента Ганы Кофи Бусиа, свергнутого после девальвации местной валюты по требованию МВФ, говорит о многом (р. 66—67). Этот правильный шаг с точки зрения экономической теории лишил привилегированного доступа к твердым валютам представителей местных элит.

Подводя итоги, можно сказать, что представленная книга дает немало пищи для размышлений о судьбах мира. С ее авторами соглашаешься не всегда и не во всем. Но странно, если бы это было иначе. В то же время она существенно обогащает тех, кто хочет получить огромную порцию новых знаний в той области, которую сейчас называют новой институциональной экономической историей.

А. П. Заостровцев,
канд. экон. наук,
Национальный исследовательский университет —
Высшая школа экономики (Санкт-Петербург)